

УСКОЛЬЗАЮЩИЕ СМЫСЛЫ И МОТИВ ПАМЯТИ В РОМАНЕ

П.МОДИАНО «НОЧНАЯ ТРАВА»

Творчество П. Модиано, лауреата многих литературных премий, в том числе, Большой Французской академии (1975), Гонкуровской (1978), наконец, Нобелевской (2014), – предмет серьезного внимания французских и англоязычных литературоведов [10], исследующих место писателя в современной литературе, трактовку центральной темы и проблемы его романов – памяти, специфику интертекстуальности, биографизма и автобиографизма, соотношения «фактов» и вымысла...

Тема памяти, одна из центральных в творчестве писателя, нашла воплощение в романе «L'Herbe des nuits» (Gallimard, 2012) [11]. Интерес к ней Модиано не раз связывал с датой своего рождения (1945), с опытом поколения, пережившего трагедию второй мировой войны, оккупации, истребляемых народов, исчезнувших городов, – военного и послевоенного периода жизни Франции. Как пишет Э.Н. Шевякова, «заблудившаяся» эпоха ищет себя в произведениях П. Модиано, чтобы понять свое настоящее» [7, с. 348].

Наверно, никто из современников писателя не владеет «искусством памяти» в таком масштабе и своеобразии, как Модиано. В Нобелевской речи он подчеркнул отличие своего подхода к проблеме поисков утраченного времени, от того, который сложился во времена М. Пруста. Писатель считает, что эти поиски уже нельзя осуществить с такой силой и отчетливостью. «Общество, которое описывал Пруст, – XIX века, было еще стабильным (stable)». Память Марселя Пруста заставляет прошлое вновь возникнуть в малейших деталях, как живую картину. Мне кажется, что сегодня память гораздо менее уверена в себе, она должна постоянно бороться против амнезии и забвения. Массив забвения охватывает все, поэтому возможно

ухватить только фрагменты прошлого, прерывистые следы, судьбы, исчезающие и почти неуловимые». Свое призвание романист видит в том, чтобы заставить появиться на белой странице забвения несколько полустертых слов». Модiano сравнивает их с айсбергами, которые дрейфуют на поверхности океана [11].

Действительно, общество, в котором жил и которое описывал М. Пруст, было устойчивым, стабильным, и память писателя претендовала на достоверность, могла «с точностью» фиксировать его особенности и детали. Для писателя второй половины XX – начала XXI вв. все стало другим. Изменился философский и художественный контекст времени, само представление о времени; окружающий писателя мир приобрел новую динамику, сформировался новый художественный опыт осмысления погруженного в «фантомность» [7, с. 348-362] «я» [3], изображения сознательного и бессознательного, сформировалось новое понимание семиотической специфики слова, интотекстуальности как феномена культуры. И память, как художественный феномен, становится «неустранимой субъективностью» эстетического опыта – или новым фантомом, симулякром... Концепция человека в постмодернизме не отменила, но трансформировала подход к решению вечных проблем. В условиях нового времени оказались востребованными новые художественно-образительные и художественно-познавательные стратегии [11].

П. Рикер, давая определение онтологической герменевтики, написал: «Под слоем памяти и истории обнаруживается мир забвения, мир, в котором вопреки ему самому существуют две возможности: либо окончательного стирания следов, либо их сохранения, обеспечиваемого средствами анамнесиса» [5]. Философ разграничивает воображение и память. Первое, по мысли П. Рикера, нацелено на «фантастическое, вымышленное, ирреальное, возможное, утопическое»; второе – «на предшествующую реальность, на предшествование, образующее главную временную отметку вспомненной вещи, «вспомненного» как такового» [5]. Очевидно, что художественное

познание – в эпоху постмодернизма – выстраивает, синтезирует, обыгрывает, включает в лабиринт поисков, переплетая, и те и другие смыслы.

Для Модриано – по технике видения и письма, по эстетической установке – кажется гораздо значимее второе – «вспомненные» вещи и события, но к «чистоте» эксперимента он не стремится, это тоже одна из иллюзий сознания познающего субъекта. Романист исходит из постмодернистской концепции следа, специфика которого определяет и процесс, и результаты художественного познания, где «как таковое» становится субъективным, по существу воображаемым слепком исчезнувшей или исчезающей или воображаемой реальности.

Создатель одной из разновидностей психологического романа, вновь и вновь разрабатывающий эту тему, писатель выработал особые приемы изображения, умение передавать в тексте и подтексте «расследовательскую» деятельность сознания, направленную на постижение, реконструкцию прошлого, заведомо неполную, но чрезвычайно – жизненно важную для читателя и героя. По внешним признакам расследование порой напоминает психологический детектив, в котором интерес связан с персонажем, слегка, но постепенно все отчетливее окрашенным оттенком неприкаянности, аутсайдерства, криминальности.

За этой работой памяти стоит процесс новой не только «надличностной», но и личностной идентификации персонажа-повествователя, чреватый потерями и обретениями. Прошлое, которое не отпускает, притягивает, удерживает – как тайна, как прожитое и пережитое, опасное, неразгаданное приключение, переплетается с настоящим, скрываемым от себя нежеланием – или желанием встретить ту, которая исчезла и осталась единственным и самым ярким воспоминанием. Если бы было иначе, рассказ о Данни вписывался бы в иной контекст, хотя бы

условно намеченных, как в «Горизонте» (2010)¹, фактов и впечатлений повествователя.

Та ускользящая неопределенность и полифония оттенков, которая сказывается в преломлении мотива памяти, нашла воплощение в метафоре названия романа – «Ночная трава».

Как и многие метафоры, соединяющие друг с другом природные явления и признаки, «ночная трава» содержит множество семантических аллюзий, уходит корнями вглубь мифологических представлений. Геката, в древнегреческой мифологии, как известно, – богиня ночи, властительница мрака, властвовала над всеми привидениями и чудовищами, ночными видениями и чародейством. В первичной природной, архетипической семантике эпитет «ночной», «ночная» связан с мотивами потустороннего мира – как антипод ясности, света, дня.

На разных этапах развития культуры «ночной» мотив, мотив ночи звучал по-разному. Это могла быть «Вальпургиева ночь», но и «Флорентийские ночи», в предромантическую и романтическую эпоху с мотивом ночи связан готический дискурс – тайны, расплывчатых и неясных, угрожающих очертаний, преступлений, которые совершаются под покровом тьмы.

В пределах непосредственного горизонта эстетических ассоциаций у Модяно – романтическая традиция, которая «открыла» ночное начало души, исследуя глубины иррационального. Покровы ночи приоткрывал Э Юнг, затем один из зачинателей многих романтических идей Бонавентура, позднее автор «Эликсиров сатаны». Мотив двойничества войдет как один из значимых в литературу XIX и XX века, анализирующую природу скрывающегося в глубинах сознания зла. (Андерсен, Е. Шварц, Э. По, Ф.М. Достоевский, Стивенсон, У. Ле Гуин...). Потенциально ночное начало у Модяно проявилось в акте убийства, в стремлении героя отделить себя от

¹ По поводу публикации этого романа газета «Фигаро» написала: «Эту историю нам поведал нерешительный герой, чьи воспоминания смутны и в то же время яркие. Но ведь сделано это потрясающе! Одним словом, это Модяно. Да напиши он даже телефонный справочник, – все равно покорила бы нас». <https://www.livelib.ru/book/1001071742>

окружающего мира, ускользнуть от знания, которое грозит разрушить комфортный мир собственной жизни. Потенциально ночное – в стремлении оградить себя от соприкосновения со злом.

Однако для осмысления скрытых мотивов романа Модриано не менее значим художественный опыт иенских романтиков, по-иному связанный с космосом романтизма. Он нашел воплощение в «Ночных гимнах» Новалиса, который считал, что ночь глубже дня, что человек – существо ночное, которое приходит из ночи и уходит в ночь. Н.Я. Берковский пишет: «Если ночь и дана у Новалиса как некий образ, то весь он строится на духовных эмоциях, проникающих друг в друга. «Ночь» у Новалиса — родительница дня, день содержится в недрах ее, она по-матерински носит его... День деловит, прозаичен, он раздробляет человечество на отдельные особи, из которых каждая полна отдельных своих забот. Ночь — время тихих самосозерцаний, ночь – время Эроса» [2]. Литературовед считает, что новалисовская ночь «полна эротических идей и ассоциаций. Она есть царство «священного сна», самозабвения... и покой, и Эрос, и единение человечества, и уход в другое бытие, отказ от суетности...» [2]

Модриано на другом витке истории, если и не переоценивает, то ставит под вопрос ценности «дня», рационального и рационалистического отношения к жизни. Его роман создан в эпоху, когда идея смерти, утратив сакральные вибрации, часто вписывается в пространство абсурда и необходимости. И ночь – в этом контексте – пространство тумана и памяти, в которое погружается герой, которое сочетает непознанное в себе и жизни, и осознанное стремление понять.

Мотив памяти как тумана весьма характерен для литературы XX века. «В туманности, создающей миры, безмолвно мыслит Ночь, медленно скучиваются первозданные облака. И большой поэт должен сохранить такую медлительность и тишину» [1], – пишет Г. Башляр. В тексте Модриано миры памяти просыпаются по воле поэта-романиста.

Герой современного постмодернистского роман У. Эко «Таинственное пламя царицы Лоаны» (2004) тоже проходит этап погружения в туман памяти и на протяжении всего романа выходит из него. В отличие от своего французского современника Джамбаттиста Бодони верит в познавательную силу памяти и человеческого сознания. Она – пространство личной и всечеловеческой культуры : «В пещере памяти, в ее неозираемых глубинах, в дворцовых залах у меня есть и небо, и земля, и море, все вместе, и у меня есть даже я сам... Велика она, эта сила памяти, боже правый, и бесконечная глубокая сложность ее почти что навевает ужас, и в этом дух, в этом я сам. В полях и в неисчислимых закоулках памяти, неисчислимо заселенных неисчислимыми подвидами вещей, во всех пробегаемых мною пространствах я взлетаю, я лечу, и моему полету нет пределов». Но повествователь знает и то, что на «закопченных страницах бумажной памяти» есть «множество поврежденных и нечитаемых мест», в том числе те, которые ему «совершенно необходимо прочитать» [8]. Герой Модино погружен в ретроспективную личную память собственной жизни. Автор «Лоаны» – в память книжного, исторического, эстетического знания, знания культуры, которое для него тоже носит глубоко личный характер, исполнено поэзии и безграничного счастья. Подобно Модино, итальянский писатель выносит в название своего произведения – метафору, символ, который по-иному воплощает всегда ускользающую цель – доминантную эмоцию, придающую смысл уходящему в небытие бытию – любви, не чувственно-притягательной, роскошной, обольстительной, но идеальной и нежной, оставшейся в далекой юности. Смерть и любовь сливаются в последних строках романа: «Наконец я узнаю, как играется бесконечно сцена развязки моего «Сирано», узнаю, кого же я искал всю на этой земле жизнь, от Паолы до Сибиллы. И воссоединюсь. И пребуду с покоем» [8]. Такого воссоединения не дано герою.

В романе Модино – отголоски романтического мира, который оставил только следы этих мотивов – и преступления – убийства, которое в его

романе совершенно по каким-то непроясненным политическим и психологическим причинам, и скрытой нежности и любви, которая осталась самым глубоким воспоминанием повествователя-героя, и атмосферы, в которой сливаются день и ночь, прошлое и настоящее, надежда и безысходность. В постмодернистском тексте Модiano ассоциативный пласт не обладает таким масштабом игровой, отчетливо просматриваемой семантики, в то же время он поэтичен, вызывает к читательскому опыту и воображению. Однако в метафоре, вынесенной в название у обоих авторов, которая притягивает своей загадочностью, неопределенностью, есть центральное понятие. У Эко – восходящее к Г.Р. Хаггарду миф – «таинственное пламя царицы Лоаны», у Модiano «простое» и обыденное слово – трава, которое придает новый смысл произведению. Она привносит ощущение жизни и надежды, нечто живое и неистребимое, множественное, еще сохраняющее память о солнце, прорастающее вопреки всему и вся.

Прямую отсылку к семантике заглавия романа Модiano можно найти в стихотворении Блеза Сандрара, начальные строки поэмы которого процитированы в романе: «Блез, далеко ли до Монмартра?» Сквозь кошмар мелькающих образов «Прозы о Транссибирском экспрессе» (1913), событий, катастрофических картин и впечатлений у Сандрара неожиданно пробивается утопическая нота – мотив любви на дальних, сказочных островах.

«Les nuits y sont démesurément longues...

L'amour pâme les couples dans l'herbe...» [12]

(«Приди на острова затерянные в океане!

Сколько их —

Маркизы Феникс Ява и Борнео

И Целебес как выгнутая кошка...» – перевод М.Д. Яснова).

Этот мотив входит в поэтику поисков утраченного времени «Ночной травы».

Нельзя исключить, что у Модяно, процитировавшего в нобелевской речи мандельштамовские строки, не возникла переключка с одним из программных произведений русского поэта – о веке, времени и себе:

«Какая боль — искать потерянное слово,
Больные веки поднимать
И с известью в крови для племени чужого
Ночные травы собирать» [4].

«Ночные травы» – образ трагического одиночества, связующий «больное» настоящее с неведомым и предсказуемо страшным будущим – «племени чужого».

В то же время в интертекстуальное пространство романа обнаруживает отдаленную переключку с знаменитым уитменовским циклом «Листья травы», где в одном из стихотворений метафора названия перерастает в символ самой жизни, демократического, оптимистического, вдохновенного приятя ее, во всем разнообразии, во всем бесконечном круговороте концов и начал, рождения и смерти².

The smallest sprouts show there is really no death,
And if ever there was it led forward life, and does not wait
at the end to arrest it,
And ceased the moment life appeared.
All goes onward and outward. . . .and nothing collapses.

По концепции поэта, это универсальный иероглиф жизни, поэтичность и символический смысл возникают из парадоксально сопрягающихся образов и мотивов:

Or I guess the grass is itself a child. . . .the produced babe
of the vegetation.

² Тематически с этим циклом Уитмена переключается стихотворение «Трава» («Grass», 1918 г.) К. Сэндберга, где трава обращается к людям, чтобы те перестали убивать друг друга и дали ей возможность «потрудиться». mirznanii.com...biografiya-i-tvorchestvo...sendberga...

Or I guess it is a uniform hieroglyphic... [13]

Трава у Уитмена – это и сам ребенок, вопрошающий о том, что такое трава, и волосы могил, и лоно...

Названием романа Модiano заставляет перекликаться различные смыслы, мотивы, голоса, тяготеющие к эмоциональному эффекту и пробуждению в сознании читателя размышлений о сущности жизни, онтологической сущности бытия.

«L'Herbe des nuits» вписывается в длинный ряд произведений писателя, объединенных единством проблематики, эстетических исканий. «Каждая новая книга в момент создания стирает предыдущую настолько, что у меня возникает впечатление, что я ее забыл...» Писатель говорит, что в его произведениях «часто возникают те же лица, те же имена, те же места, те же фразы переходят из одного в другое, как рисунок гобелена, который ткали в полусне. Полусне, или лучше, сне наяву. Романист – часто сомнамбула, проникающий в то, что ему предстоит описать, и возникает опасение, что его может сбить машина, когда он пересекает улицу... Но лунатики, которые ходят по крышам домов, никогда не падают» [11]. Неким ощущением сомнамбулизма писатель одаряет своего читателя, погружающегося в мир его произведений. В мотиве ночной травы, в метафоре, перерастающей в символ, как и во всем романе, – универсальный масштаб видения мира, ностальгия и – тревога, и потаенная надежда...

Модiano принадлежит к традиции аналитического письма, исследующего современное сознание в его новых, в том числе иррациональных проявлениях, в его нравственных импульсах и императивах, но он и поэт, который погружает читателя в глубины памяти, окрашенные оттенками меняющихся смыслов и ощущений, ускользающими и завораживающими своей ностальгически окрашенной тайной. (Недаром ему так близок Йейтс, знаки меланхолии в поэзии Малларме). Он создает свою эпопею *поисков* утраченного времени, где память и время онтологичны и историчны, в разных соотношениях – одно, почти одно, где приоткрывается

неизбывная жажда возвращения и ускользание смысла определяет поиски его.

Список литературы

1. Башляр Г. Грезы о воздухе. Глава 9. Туманность истоки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.studfiles.ru/preview/6321609/page:17/> (дата обращения 14.08.2016).

2. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии истоки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://czerniec.livejournal.com/56932.html> (дата обращения 26.08.2016).

3. Ильин А.Н. Субъект в пространстве философии постмодернизма истоки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin_Subject/ (дата обращения 26.08.2016).

4. Мандельштам О. 1 января 2014 г. истоки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://rvb.ru/mandelstam/01text/vol_2/01versus/01versus/2_017.htm (дата обращения 14.08.2016).

5. Рикёр П. Память, история, забвение [Электронный ресурс] / Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004 (Французская философия XX века). – Режим доступа: URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/ (Дата обращения 26.08.2016).

6. Трофимова Ю.С. Особенности художественной целостности тотального романа П. Модяно: дисс. ... канд. фил. наук. М., 2004. 160 с.

7. Шевякова Э.Н. Современная французская проза рубежа веков: модификация романной формы. М., 2009. 592 с.

8. Эко У. Тайнственное пламя царицы Лоаны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.libros.am/book/read/id/143925/slug/tainstvennoe-plamy-a-caricy-loany> (дата обращения 12.08.2016).

9. Europe. n°1038, octobre 2015: «Patrick Modiano» 30 sept. 2015 ... PATRICK MODIANO. [Electronic Resource] Maxime DECOUT: Les intermittences du monde selon Patrick Modiano. Pierre FAVRE: Tel un témoin non attendu. — Mode of access: URL: www.fabula.org/.../europe-n-1038-octobre-2015-patrick-modiano_70397.php (дата обращения 12.08.2016).

10. La Porte de l'ombre. Regards sur l'œuvre de Patrick Modiano (Acta ... 7 mai 2008 ... La critique universitaire, surtout en France, montre toujours une certaine pudeur face aux auteurs contemporains, aux romanciers en particulier ... [Electronic Resource]. — Mode of access: URL: www.fabula.org/acta/document4129.php (дата обращения 26.08.2016).

11. Modiano P. Discours de réception du Prix Nobel (7/12/14) 8 déc. 2014 ... Patrick Modiano. Discours de réception du Prix Nobel de Littérature, à Stockholm, 7 décembre 2014. «Je voudrais vous dire tout simplement ...» [Electronic Resource]. — Mode of access: URL: www.fabula.org/.../p-modiano-discours-de-reception-du-prix-nobel-7-12-14_66054.php (дата обращения 20.08.2016).

12. Cendrars Blaise, Le Transsiberien, dialogue (II) [Electronic Resource]. — Mode of access: URL: <http://www.poesie.net/transib9.htm> (дата обращения 26.08.2016).

13. Whitman Walt. Leaves of Grass [Electronic Resource]. — Mode of access: URL: www.poets.org/poetsorg/poem/child-said-what-grass (дата обращения 26.08.2016).